

Максимилиан Волошин

Corona Astralis

0

В мирах любви – неверные кометы –
Закрыт нам путь проверенных орбит!
Явь наших снов земля не истребит,
Полночных солнц к себе нас манят светы.

Ах, не крещен в глубоких водах Леты
Наш горький дух, и память нас томит.
В нас тлеет боль внежизненных обид –
Изгнанники, скитальцы и поэты!

Тому, кто зряч, но светом дня ослеп,
Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
Кому земля – священный край изгнанья,

Кто видит сны и помнит имена, –
Тому в любви не радость встреч дана,
А темные восторги расставанья!

Maximilian Voloshin

Corona Astralis (translated by Graham Harrison)

0

Unsteady comets ply the realms of love;
no path assures us of a proven orbit.
Earth cannot dim the radiance of our dreams
for midnight suns entice and draw us onward.

Our bitter soul's not bathed, alas! in Lethe's
deep oblivion. We're wearied by regrets
and feel the smouldering aches of alien woe,
banished exiles, wanderers and poets!

Some, though seeing, are blinded by the light of day;
some live, yet in dark prisons are forgot;
for some the earth's a sacred land of exile.

Some dream, yet all the while remember names.
All these find in love no union of bliss
but only parting's dismal ecstasies!

1

Елизавете Ивановне Дмитриевой

В мирах любви неверные кометы,
Сквозь горных сфер мерцающий стожар –
Клубы огня, мятущийся пожар,
Вселенских бурь блуждающие светлы, –

Мы вдаль несем... Пусть темные планеты
В нас видят меч грозящих миру кар, –
Мы правим путь свой к солнцу, как Икар,
Плащом ветров и пламени одеты.

Но странные, – его коснувшись, – прочь
Стремим свой бег: от солнца снова в ночь
Вдаль, по путям парабол безвозвратных...

Слепой мятеж наш дерзкий дух стремится
В багровой тьме закатов незакатных...
Закрыт нам путь проверенных орбит!

1

to Elizaveta Ivanovna Dmitrieva

Unsteady comets ply the realms of love;
o'er mountains far the radiant Pleiades
we bear: the fiery balls and crackling heat,
the wandering lights of interstellar storms.

Gloom-struck planets see in us the flaming
sword of retribution o'er the world:
it matters not to us: we set sail for the sun
like Icarus, girt with cloths of wind and fire.

Strange voyagers! We merely graze the sun,
following parabolas into night,
never to return... For blind mutiny

urges on our superb, reckless spirit
to lurid crimson sunsets without end...
No path assures us of a proven orbit!

Закрыт нам путь проверенных орбит,
Нарушен лад молитвенного строя...
Земным богам земные храмы строя,
Нас жрец земли земле не причастит.

Безумьем снов скитальный дух повит.
Как пчелы мы, оставшие от роя!...
Мы беглецы, и сзади наша Троя,
И зарево наш парус багрянит.

Дыханьем бурь таинственно влекомы,
По свиткам троп, по росстаням дорог
Стремимся мы. Суров наш путь и строг.

И пусть кругом грохочут глухо громы,
Пусть веет вихрь сомнений и обид, –
Явь наших снов земля не истребит!

No path assures us of a proven orbit;
the prayer-stream's harmony is rent,
for, raising earthly shrines to earthly gods,
the earth is starved of holy nourishment.

Our vagrant spirit hugs the lunacy of dreams;
we are like bees abandoned by the swarm,
or deserters fleeing, Troy behind us,
and before us our ship in flames.

The breath of tempest lures us on;
through maze of paths and choices of divergent
roads we strive. Unforgiving, harsh our journey.

Let thunder dully threaten all our schemes;
let regret and ill assail us on all sides;
earth cannot quench the ferment of our dreams!

Явь наших снов земля не истребит!
 В парче лучей истают тихо зори,
 Журчанье утр сольется в дневном хоре,
 Ущербный серп истлеет и сгорит.

Седая зыбь в алмазы раздробит
 Снопы лучей, рассыпанные в море,
 Но тех ночей – разверстых на Фаворе,
 Блеск близких солнц в душе не победит.

Нас не слепят полдневные экстазы
 Земных пустынь, ни жидкие топазы,
 Ни токи смол, ни золото лучей.

Мы шелком душ, как ризами одеты,
 Нам ведом день немеркнувших ночей, –
 Полночных солнц к себе нас манят светлы.

Earth cannot quench the ferment of our dreams!
 Each dawn melts softly in the cloths of heaven,
 the hum of morning joins the daytime chorus,
 the waning sickle fades and finally goes out;

the grey tide's ripples turn the shafts of light
 to diamonds, scattering them on the sea.
 And yet no sun can from the soul eradicate
 those nights which from Mount Tabor we espy.

Noonday ecstasies of earthly deserts
 do not blind us, nor limpid topazes,
 nor flows of pitch, nor flashing gold.

Attired in soul-silk, hieratic vesture
 we know the day of never-fading nights, --
 for midnight suns entice and draw us onward.

Полночных солнц к себе нас манят светы...
 В колодцах труб пытливый тонет взгляд,
 Алмазный бег вселенные стремят:
 Системы звезд, туманности, планеты,

От Альфы пса до Веги и от Беты
 Медведицы до трепетных Плеяд –
 Они простор небесный бороздят,
 Творя во тьме свершенья и обеты.

О, пыль миров! О, рой священных пчел!
 Я исследил, измерил, взвесил, счел,
 Дал имена, составил карты, сметы...

Но ужас звезд от знанья не потух.
 Мы помним всё: наш древний, темный дух,
 Ах, не крещен в глубоких водах Леты!

Midnight suns entice and draw us onward...
 Man's curious gaze explores the starry shafts
 and universes course the diamond paths.
 Constellations, mists and planets all,

from Sirius to Vega and from Beta
 of the Bear to flickering Pleiades,
 they plough across the heavenly void,
 bringing all things to being in darkness.

O dust of worlds! O swarm of consecrated bees!
 I've studied, measured, weighed, accounted,
 allotted names, drawn maps and calculated...

Yet none of this could still the terror of the stars.
 All is recalled: our ancient, brooding soul's
 not bathed, alas! in Lethe's deep oblivion!

Ах, не крещен в глубоких водах Леты
 Наш звездный дух забвением ночей!
 Он не испил от Орковых ключей,
 Он не принес подземные обеты.

Не замкнут круг. Заклятья недопеты...
 Когда для всех сапфирами лучей
 Сияет день, журчит в полях ручей, –
 Для нас во мгле слепые бродят светы.

Шуршит тростник, мерцает тьма болот,
 Напрасный ветер свивает и несет
 Осенний рой теней Персефонеи,

Печальный взор вперяет в ночь Пелид...
 Но он еще тоскливей и грустнее,
 Наш горький дух... И память нас томит.

Alas! our starry spirit's not baptized
 in Lethe's stream of deep forgetfulness.
 It has not tasted of the streams of Orcus,
 nor made its pledges to the nether world.

The circle's incomplete, the oaths unuttered.
 The sapphire-splendid day makes all men glad;
 streams chuckle in the fields. And yet, blind lights
 will'o-the-wisp around us in the gloom.

Reeds rustle; the marsh glimmers luminous.
 An aimless wind is blowing. It brings
 the autumn swarm of Persephone's shades.

Achilles fastens a sad gaze on night...
 But sadder and more melancholy is
 our bitter soul... We're wearied by regret.

Наш горький дух... (И память нас томит...)
 Наш горький дух пророс из тьмы, как травы,
 В нем навий яд, могильные отравы.
 В нем время спит, как в недрах пирамид.

Но ни порфир, ни мрамор, ни гранит
 Не создадут незыблемой оправы
 Для роковой, пролитой в вечность лавы,
 Что в нас свой ток невидимо струит.

Гробница Солнц! Миров погибших Урна!
 И труп Луны и мертвый лик Сатурна –
 Запомнит мозг и сердце затаит:

В крушеньях звезд рождалась мысль и крепла,
 Но дух устал от сваянного пепла, –
 В нас тлеет боль внежизненных обид!

Our bitter soul -- We're wearied by regret --
 Our bitter soul is born from darkness, like the grass;
 It conjures ghostly venom that from graveyards
 seeps;
 In it, as in the pyramids' deep vaults, time sleeps.

But neither marble, porphyry, nor granite
 can fashion such a crucible as this that spews
 lethal lava, flowing for eternity,
 subverting us slowly with its ooze.

O sepulchre of Suns! Graveyard of worlds extinct!
 The Moon's corpse and the vacant face of Saturn --
 The brain recalls, the heart begins to fill:

So thought germinates amid the wreck of stars;
 we're sick and weary of the wind-blown ash --
 we feel the smouldering aches of alien woe!

В нас тлеет боль внежизненных обид.
 Томит печаль, и глухо точит пламя,
 И всех скорбей развернутое знамя
 В ветрах тоски уныло шелестит.

Но пусть огонь и жалит и язвит
 Певучий дух, задушенный телами, –
 Лаокоон, опутанный узлами
 Горючих змей, напрягся... и молчит.

И никогда – ни счастье этой боли,
 Ни гордость уз, ни радости неволи,
 Ни наш экстаз безвыходной тюрьмы

Не отдадим за все забвенья Леты!
 Грааль скорбей несем по миру мы, –
 Изгнанники, скитальцы и поэты!

We feel the smouldering aches of alien woe!
 Grief undermines us, our candle gutters;
 the unfurled banner of all sorrow
 flutters, listless, in the doleful winds.

But even if the fire torment and sear
 his singing spirit, choked by serpents' coils,
 Laocoön, trapped in their dire embrace,
 strains every sinew... and holds his peace.

Nor shall we give up this blissful pain,
 this fetter'd pride, these joys of sheer necessity,
 nor the hopeless prison cell's hard ecstasy,

for all of Lethe's forgetful relief!
 We carry through the world the Grail of Grief,
 banished exiles, wanderers and poets!

Изгнанники, скитальцы и поэты, –
 Кто жаждал быть, но стать ничем не смог...
 У птиц – гнездо, у зверя – темный лог,
 А посох – нам и нищенства заветы.

Долг не свершен, не сдержаны обеты,
 Не пройден путь, и жребий нас обрек
 Мечтам всех троп, сомненьям всех дорог...
 Расплескан мед и песни недопеты.

О, в срывах воль найти, познать себя,
 И, горький стыд смиренно возлюбя,
 Припасть к земле, искать в пустыне воду.

К чужим шатрам идти просить свой хлеб,
 Подобным стать бродячему рапсоду –
 Тому, кто зряч, но светом дня ослеп.

Banished exiles, wanderers and poets, --
 some yearned to be, and others came to nothing.
 The bird commands its nest, the beast its lair:
 the staff of poverty's our sole empire.

Our duties shunned, our vows forsaken,
 void the journey. Subject to fate's wrongs
 we dream all paths, doubtful of all roads taken.
 Spilled the honey; unsung, alas! the songs.

In torn desires some seek to find and know
 themselves, shameless to shame, and so
 they crawl the waste land in search of water.

And, forced to beg their bread at foreign doors
 like vagrant storytellers on life's way,
 some, though seeing, are blinded by the light of
 day.

Тому, кто зряч, но светом дня ослеп, –
 Смысл голосов, звук слов, событий звенья,
 И запах тел, и шорохи растенья, –
 Весь тайный строй сплетений, швов и скреп

Раскрыт во тьме. Податель света – Феб
 Дает слепцам глубинные прозренья.
 Скрыт в яслях Бог. Пещера заточенья
 Превращена в Рождественский Вертеп.

Праматерь ночь, лелея в темном чреве
 Скупым Отцом ей возвращенный плод,
 Свои дары избраннику несет –

Тому, кто в тьму был Солнцем ввергнут в гнев,
 Кто стал слепым игралищем судеб,
 Тому, кто жив и брошен в темный склеп.

Some, though seeing, are blinded by the light of day --
 sense of voices, sound of words, chain of events,
 smell of bodies, rustling of the leaves;
 -- all the secret scheme of nature's weft and woof.

Apollo, he who once gave light to men
 now gives insight to the blind;
 God lies hidden in the crib; the stable, then,
 becomes the stage of Christ's nativity.

Night, first Mother, cherishing in her dark womb
 the fruit bestowed on her by Miser-Father,
 brings gifts to her darling chosen one --

Some were flung to darkness by the fiery Sun:
 to be Fate's blinded playthings was their lot.
 Some live, yet in dark prisons are forgot.

Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
 Видны края расписанной гробницы:
 И Солнца челн, богов подземных лица,
 И строй земли: в полях маис и хлеб,

Быки идут, жнет серп, бьет колос цеп,
 В реке плоты, спит зверь, вьют гнезда птицы, –
 Так видит он из складок плащаницы
 И смену дней, и ход людских судеб.

Без радости, без слез, без сожаленья
 Следит людей напрасные волненья,
 Без темных дум, без мысли «почему?»,

Вне бытия, вне воли, вне желанья,
 Вкусив покой, неведомый тому,
 Кому земля – священный край изгнанья,

Some live, yet in dark prisons are forgot,
 where they uncover ancient sepulchres:
 the Sun-boat, subterranean gods, the pattern
 of the earth in fields of wheat and maize.

The oxen plough, the sickle reaps, the ears are flailed.
 Rafts float, the wild beast sleeps, the birds build nests—
 Thus, the holy shroud, unwrapped, reveals
 the changing days, a people's destiny.

Without compassion, joy, or tears,
 they view the futile agitation of a race,
 themselves untroubled by the question “why?”

Strangers they to being, will, desire,
 enjoying the repose unknown to those
 for whom the earth's a sacred land of exile.

Кому земля священный край изгнанья.
 Того простор полей не веселит.
 Но каждый шаг, но каждый миг таит
 Иных миров в себе напоминая.

В душе встают неясные мерцанья,
 Как будто он на камнях древних плит
 Хотел прочесть священный алфавит
 И позабыл понятий начертанья.

И бродит он в пыли земных дорог, –
 Отступник жрец, себя забывший бог,
 Следя в вещах знакомые узоры.

Он тот, кому погибель не дана,
 Кто, встретив смерть, в смущеньи клонит взоры,
 Кто видит сны и помнит имена.

For some the earth's a sacred land of exile;
 the fields, the rolling plain bring no delight.
 To such a man each step, each moment
 Summons him to other worlds and other light.

He has intimations as yet unclear,
 as if predestined he were to pore
 o'er sacred alphabets on ancient stones,
 unlearning our inherited conceptual lore.

Priest-apostate, he roams the dusty roads,
 himself a god, yet himself mistaking –
 and traces telling patterns everywhere.

His like, whom Fate resolves to spare,
 meet death, confused, and bow their heads;
 they dream, yet all the while remember names.

Кто видит сны и помнит имена,
 Кто слышит трав прерывистые речи,
 Кому ясны идущих дней предтечи,
 Кому поет влюбленная волна;

Тот, чья душа землей убелена,
 Кто бремя дум, как плащ, приял на плечи,
 Кто возжигал мистические свечи,
 Кого влекла Изида пелена,

Кто не пошел искать земной улады
 Ни в плясках жриц, ни в оргиях Менад,
 Кто в чашу нег не выжал виноград,

Кто, как Орфей, нарушив все преграды,
 Все ж не извел родную тень со дна, —
 Тому в любви не радость встреч дана.

They dream, yet all the while remember names,
 these men who hear the grasses' halting speech.
 To them the heralds of the coming days are known;
 the love-sick wave enchants them with its song.

Those whose soul is blanched by cares of earth,
 who, shouldering the harsh restraint of thought,
 have lit the candles of the Mysteries,
 drawn to contemplate the veil of Isis;

those who never sought delights terrestrial
 in priestesses' dance nor Maenads' orgies,
 nor crushed the vine into the voluptuous cup;

who, like Orpheus, breaking barriers all,
 yet failed to summon from Hades the beloved's kiss:
 all these find in love no union of bliss.

Тому в любви не радость встреч дана,
 Кто в страсти ждал не сладкого забвенья,
 Кто в ласках тел не ведал утоленья,
 Кто не испил смертельного вина.

Страшится он принять не рамена
 Ярмо надежд и тяжкий груз свершенья,
 Не хочет уз и рвет живые звенья,
 Которыми связует нас Луна.

Своей тоски – навеки одинокой,
 Как зыбь морей, пустынной и широкой, –
 Он не отдаст. Кто оцет жаждал – тот

И в самый миг последнего страданья
 Не мирный путь блаженства изберет,
 А темные восторги расставанья.

All these find in love no union of bliss,
 renouncing passion's sweet forgetfulness;
 nor in caresses do they slake their thirst
 nor do they down draughts of the deadly wine.

They fear to take upon their necks the yoke
 of hope, achievement's weighty piles.
 They scorn all ties and snap the living bands
 imposed on us by Luna's wiles.

Lone is their grief – and for eternity,
 wide and empty like ocean's swell.
 They'll not give in; for those who thirst for gall

will choose, when suffering is final,
 not the peace of a journey's blest
 but parting's dismal ecstasies.

А темные восторги расставанья,
 А пепел грез и боль свиданий – нам.
 Нам не ступать по синим лунным льнам,
 Нам не хранить стыдливого молчанья.

Мы шепчем всем ненужные признанья,
 От милых рук бежим к обманному сну,
 Не видим лиц и верим именам,
 Томясь в путях напрасного скитанья.

Со всех сторон из мглы глядят на нас
 Зрачки чужих, всегда враждебных глаз,
 Ни светом звезд, ни солнцем не согреты,

Стремя свой путь в пространствах вечной тьмы,
 --В себе несем свое изгнанье мы –
 В мирах любви неверные кометы!

1909

But parting's dismal ecstasies, our daydreams'
 ashes, encounters fraught – this is our lot.
 We cannot strut in dark-blue lunar linen.
 And keep a shameful silence? We cannot.

To all we whisper empty vows of love;
 we flee kind hands to follow dreamers' lodes.
 We see no face, it's names that we believe;
 weary wanderers on unrewarding roads.

In the gloom on all sides alien gazes
 meet us; everywhere are hostile eyes.
 No star gives light, no sun gives us its warmth.

Through immense, eternal dark we strive,
 our banishment within us bearing.
 Unsteady comets ply the realms of love!

1909

